

Костров Евгений Кузьмич

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
АНО ВО Институт современного образования и информационных технологий
г.Москва, Россия

**Специальная военная операция как философский феномен:
социально-психологический потенциал в войнах антропоценной эпохи**

Аннотация. Специальная военная операция (СВО) обнажила кризис классических философских и стратегических моделей войны, разрывающихся между спекулятивной герменевтикой «духа» и позитивистским редукционизмом материальных факторов. В ответ на этот кризис статья предлагает новую парадигму, основанную на онтологическом сдвиге: от поиска сущностей («дух народа») к анализу динамического **социально-психологического потенциала (Ψ-потенциала) государства**, понимаемого как конфигурация его ключевых способностей к адаптации (А), навыков и компетенций (S), установок и ценностей (U), экономической (Е) и военной (М) эффективности. Формализуя этот сдвиг в виде вероятностной модели $\Psi(t)$, автор демонстрирует гносеологический инструмент: модель выступает как инструмент операционализации философских категорий, позволяющий верифицируемо анализировать современную войну как «войну смыслов» и взаимную трансформацию конфигурационных состояний противников. В заключении формулируются этические императивы работы с Ψ-потенциалом - ответственность за защиту сложности, публичность диагностики и отказ от соблазна социального инжиниринга. Специальная военная операция (СВО) интерпретируется как первый масштабный прообраз войн нового типа, где решающим становится не материальное превосходство, а способность поддерживать сбалансированную и антихрупкую конфигурацию антропологического потенциала нации.

Ключевые слова: социально-психологический потенциал, философия войны, война смыслов, Специальная военная операция (СВО), математическое моделирование в социальных науках, онтологический сдвиг, гибридная война, антропоцентричный конфликт, устойчивость государства, Ψ-потенциал.

Kostrov Evgeny Kuzmich

candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of
Psychology at the Institute of Modern Education and Information Technologies
Moscow, Russia

**Special military operation as a philosophical phenomenon:
socio-psychological potential in the wars of the anthropocene era**

Abstract. The Special Military Operation (SMO) has revealed the crisis of classical philosophical and strategic models of war, which are torn between the speculative hermeneutics of "spirit" and the positivist reductionism of material factors. In response to this crisis, the article proposes a new paradigm based on an ontological shift: from the search for entities ("the spirit of the people") to the analysis of the state's dynamic socio-psychological potential (**Ψ-potential**), understood as the configuration of its key abilities for adaptation (A), cooperation (S), meaning-making (U), economic (E), and military (M) effectiveness. By formalizing this shift in the form of a probabilistic model $\Psi(t)$, the author demonstrates a gnoseological breakthrough: the model acts as a tool for operationalizing philosophical categories, allowing for a verifiable analysis of modern warfare as a "war of meanings" and the mutual transformation of the opponents' configuration

states. In conclusion, the ethical imperatives of working with Ψ -potential are formulated: the responsibility to protect complexity, the publicity of diagnostics, and the rejection of the temptation of social engineering. The SVO is interpreted as the first large-scale prototype of a new type of war, where the decisive factor is not material superiority, but the ability to maintain a balanced and antifragile configuration of a nation's anthropological potential.

Keywords: socio-psychological potential, philosophy of war, war of meanings, special military operation (SMO), mathematical modeling in social sciences, ontological shift, hybrid war, anthropocentric conflict, state stability, Ψ -potential.

«Наука лишь постольку наука, поскольку применяет математику».

Иммануил Кант

«Дух есть не состояние, а деятельность.»

Г.В.Ф. Гегель

Введение

Война, этот предельный феномен человеческого бытия, издавна преломлялась в двух дискурсах, говорящих на взаимонепонятных языках. «Философский дискурс» говорит о «смыслах, духе, воле, трагедии и этике». Он обращается к Гераклиту («Война - отец всего») [6], К.Клаузевицу («Продолжение политики иными средствами») [2] и М.Хайдеггеру (заброшенность в ничто) [11]. Его сила - в способности схватить «качественную уникальность, экзистенциальный ужас и моральную дилемму». Его слабость - в неизбежной «спекулятивности» и невозможности отличить глубокую интуицию от красивой метафоры. Для философа уравнение, претендующее описать «волю к победе», - кощунственная редукция священного ужаса к цифре.

«Математический (стратегический) дискурс» говорит о «силах, массах, расстояниях, коэффициентах и вероятностях». Он наследует традиции П.-С. Лапласа [14], Д. Форрестера [9] и теории игр. Его сила - в «строгости, проверяемости и прогностических амбициях». Его слабость - в тенденции к «слепоте»: к тому, чтобы принимать модель за реальность, а человека - за статистическую единицу. Для математика философские рассуждения о «духе» - бесполезный метафизический шум, мешающий чистым расчетам.

Вечный спор: первые обвиняют вторых в «сциентистском бесчувствии». Вторые - первых в «иррациональной пустоте». Этот разрыв стал «методологической катастрофой» в ХХI веке, когда сама природа войны изменилась.

Почему старые языки немые перед новыми войнами? Классические формулы бессильны, потому что объект изменился. «Война Клаузевица» предполагала «центр тяжести» (армию, столицу), по которому можно нанести «решающий удар».

«Война антропоценной эры» (как ее прообразом стала Специальная военная операция) - это война за «антропологический ландшафт», антропологические аспекты гибридной войны [6]. Её «центры тяжести» рассредоточены в когнитивной, смысловой и социальной сферах: устойчивость нарратива, гибкость логистических сетей, готовность граждан к лишениям, способность элит к кооперации.

Как измерить решающее сражение в TikTok, любой социальной сети? Как «смоделировать «дух», который становится критическим ресурсом при технологическом паритете? Ни чистый философ, ни чистый математик не дают ответа. Первый не может «операционализировать» свои категории. Второй не видит «объекта» для своих уравнений.

Мы утверждаем, что выход из этого тупика лежит в создании **нового метаязыка**, который берёт глубину вопроса у философии, а строгость метода - у математики. Конкретным инструментом такого синтеза выступает **вероятностная модель социально-психологического потенциала (СПП) государства**, формализующая его как интегральную функцию ключевых подсистем [4] - социально-психологический потенциал представляет собой совокупность способностей, навыков и установок, которые позволяют населению страны, элите успешно адаптироваться к различным внешним воздействиям, включая факторы, возникающие в условиях военного времени. способствующие развитию

и реализации социальных и экономических целей, направленных на повышение качества жизни населения государства, реализации военного потенциала страны.

1. Концептуальная модель СПП определяется как интегральная функция от шести детерминированных компонент и стохастической составляющей, нормированы к интервалу $[0,1]$, каждая из которых является формальным референтом фундаментальной философско-политической категории:

- **A(t) - Адаптационная способность:** Способен ли социум к обучению и трансформации под давлением? Это операционализация идеи исторической агентности и антихрупкости.

- **S(t) - Навыки и компетенции** (человеческий капитал): Обладает ли население знанием для решения сверхсложных задач? Это мера реализованного разума нации.

- **U(t) - Установки и ценности:** Разделяет ли общество общие смыслы и считает ли цели государства легитимными? Это прямое измерение ценностно-смыслового ядра, того самого «духа», о котором говорили философы.

- **E(t) - Экономическая эффективность:** Насколько материальная основа адекватна историческому вызову? Мера цивилизационной жизнеспособности.

- **M(t) - Военный потенциал:** Каков инструментальный арсенал принуждения и защиты? Классический компонент мощи.

- **|G(t)| - Внешнеполитический баланс:** В каком геополитическом окружении находится система? Фактор, который в эпоху глобализации может быть критическим - внешняя поддержка способна компенсировать внутренние слабости, а изоляция разрушать даже устойчивые конфигурации.

Линейный (аддитивный) потенциал рассчитывается как взвешенная сумма компонент:

$$\Psi_{\text{лин}}(t) = \sum_{i=1}^6 w_i X_i(t), \quad \sum w_i = 1, \quad w_i \geq 0$$

2. Однако

простая

взвешенная

сумма $\Psi_{\text{лин}}$ не

учитывает критически важный эффект - **внутреннюю сбалансированность системы** [5].

Два государства с одинаковым $\Psi_{\text{лин}}$ могут иметь кардинально разную устойчивость. Если их компоненты разбалансированы (например, мощная армия M существует в отрыве от слабой экономики E и разрушенной легитимности U), общая эффективность системы катастрофически падает. И наоборот, сбалансированная, но скромная по ресурсам конфигурация порождает **эмерджентный эффект синергии**, когда целое оказывается больше суммы частей.

Для формализации этого эффекта вводится **коэффициент синергетического взаимодействия** $K_{\text{вз}}(t)$, который рассчитывается на основе **ядра системы** - четырёх компонент, определяющих её оперативную устойчивость: установок (U), экономики (E), военного потенциала (M) и внешнего баланса (|G|):

$$K_{\text{вз}}(t) = \frac{U(t) + E(t) + M(t) + |G(t)|}{4} \cdot \left[1 - \frac{\sigma(U(t), E(t), M(t), |G(t)|)}{2} \right]$$

Здесь $\sigma(\cdot)$ - стандартное отклонение компонент ядра, мера их **внутренней разбалансированности**.

Логика коэффициента двойственна:

- **Первый множитель** - средний уровень развития ядра. Чем он выше, тем лучше.

- **Второй множитель** - штраф за дисбаланс. Если компоненты ядра сильно различаются (например, $M=0.9$, но $U=0.2$), стандартное отклонение σ велико, второй множитель стремится к нулю, и $K_{\text{вз}}$ падает. При $\sigma \geq 2$ он обнуляется полностью.

Интегральный (конфигурационный) социально-психологический потенциал определяется как произведение линейного потенциала на коэффициент синергии, плюс стохастическая компонента:

$$\Psi_{\text{конф}}(t) = K_{\text{вз}}(t) \cdot \Psi_{\text{лин}}(t) + \varepsilon(t)$$

где $\varepsilon(t)$ - стохастическая компонента с нулевым математическим ожиданием, моделирующая влияние непредсказуемых факторов («трение» Клаузевица в математической форме).

Смысл этого усложнения: высокий линейный потенциал ($\Psi_{\text{лин}}$) может быть «съеден» внутренним дисбалансом (низкий $K_{\text{вз}}$), и наоборот - сбалансированная система даже со скромными ресурсами может демонстрировать высокую устойчивость.

3. Философская интерпретация модели: диалектика части и целого.

Значение $\Psi_{\text{конф}}(t)$ - это не мистическая «сила духа», а **мера благоприятности текущей системной конфигурации для преодоления конкретного вызова.**

Высокое значение $\Psi_{\text{конф}}$ означает, что адаптивность, компетенции, ценности, экономика, армия и внешний баланс **скоординированно усиливают друг друга**, создавая синергию. Низкое значение - что между ними есть **системные противоречия** (например, высокий военный потенциал M при низкой легитимности U и слабой экономике E), которые создают скрытую хрупкость. Именно коэффициент синергии $K_{\text{вз}}$ формализует **диалектику части и целого**: система может обладать мощными отдельными элементами, но если они разбалансированы, действуют вразрез - общий потенциал катастрофически падает. Скромная, но сбалансированная конфигурация порождает эмерджентный эффект, где целое оказывается больше суммы частей.

Стохастическая компонента $\varepsilon(t)$ - это не «погрешность измерения», а **онтологическое признание свободы, случайности и непредсказуемости в истории.** Модель честно указывает: даже при полной информации о всех $X_i(t)$, итоговый потенциал содержит элемент нередуцируемой вероятности. Это математическое выражение знаменитого клаузевицкого «трения» и хаотичности социальной материи.

Взвешенная сумма (w_i): коэффициенты, определяемые методом Саати [1], отражают **иерархию значимости** этих категорий для конкретной исторической ситуации. То, что в одной эпохе ключевым является военный потенциал (высокий M), а в другой - адаптационная способность (высокий A), - это философский тезис о меняющейся природе мощи, формализованный в модели.

Именно эта модель позволяет совершить онтологический сдвиг:

- Старая парадигма (субстанционализм): ищет ответ на вопрос «Что есть дух народа?» в виде некой неизменной сущности.

- Новая парадигма (конфигурационизм и потенциализм): задает вопрос «В какой конфигурации находятся пять ключевых способностей системы (A, S, U, E, M) в момент t , и какова вероятность достижения ею целей в конфликте, учитывая стохастичность среды (ε)?»

Значение $\Psi(t)$ это не «сила духа», а мера благоприятности текущей системной конфигурации для преодоления конкретного вызова. Высокое значение Ψ означает, что адаптивность, компетенции, ценности, экономика и армия скоординировано усиливают друг друга, создавая синергию. Низкое значение - что между ними есть системные противоречия (например, высокий военный потенциал M при низкой легитимности U ведет к внутренней хрупкости).

4. Таким образом, война в этой логике предстает как процесс взаимного воздействия на конфигурацию Ψ -потенциала противника, попытка сместить его системные переменные (особенно U - установки и A - адаптивность) в область дисфункции, защищая при этом свою собственную конфигурацию.

Математическая модель - при правильном философском основании - «не является редукцией духа к числу». Напротив, она выступает как:

1. Феноменологический инструмент: способ «делать видимыми» и отслеживать во времени те самые латентные социально-психологические реальности (солидарность, легитимность, воля), о которых всегда говорила философия.

2. Мост между дискурсами: формализация, которая «берет свои смыслы из философской онтологии» (что такое «потенциал»? что такое «солидарность?»), а строгость метода - из математики.

3. Средство против редукционизма с обеих сторон:

- для философа: Модель запрещает спекуляции, требуя проверяемых индикаторов для таких понятий, как «национальное единство».

- для математика: Модель постоянно напоминает, что ее параметры (U - установки, S - сплоченность) суть «интерпретируемые философские категории», а не просто коэффициенты регрессии.

4. Ключевой поворот: от сущности к вероятности.

Здесь - суть нашего примирения. Мы отказываемся от вопроса философов «Что есть дух народа?» и вопроса математиков «Как «посчитать» силу духа?». Мы задаем новый, синтетический вопрос: «С какой вероятностью и при каких условиях данный социальный организм актуализирует паттерны коллективного действия, устойчивости и жертвенности, которые в философской традиции описывались как «сильный дух»?

Таким образом, значение « $\Psi(t) = 0.85$ » - это не мера «силы духа», а мера склонности сложной системы к определенному классу состояний. Это переносит нас из метафизики субстанций в онтологию потенциалов и вероятностей, где Аристотель встречается с теорией сложных систем, это новый метаязык, синтезирующий философию и математику для анализа войн нового типа

От сущности к потенциалу: онтологический сдвиг в понимании войны

Традиционный поиск «сущности» коллективного субъекта - будь то гегелевский «дух народа» или романтическая «национальная идея» - постулировал существование некой неизменной сердцевины, из которой дедуцируется историческое действие. Однако для формализации военного потенциала в эпоху гибридных конфликтов эта онтология сущности (субстанционализм) оказывается операционально бесплодной. Она не даёт инструментария для работы с принципиальной изменчивостью и внутренней противоречивостью социального тела в условиях стресса. Модель СПП предлагает совершить радикальный сдвиг: от вопроса о том, что есть государство или народ, к вопросу о том, в каком состоянии находится их комплексный потенциал к действию в момент времени «t». Мы меняем исходные онтологические предпосылки: объектом анализа становится не дух, а динамическая конфигурация системных способностей (A, S, U, E, M).

Апелляция к вечной «сущности» нации терпит крах при столкновении с эмпирией исторических катастроф и мобилизаций. Как формализовать тот факт, что социум, считающийся единым субъектом, в 1917 году демонстрирует коллапс солидарности, а в 1941-м - её беспрецедентный взлёт? Субстанционализм вынужден либо игнорировать эту «неверность себе», либо произвольно объявлять один исторический срез «истинным», а другой - «искажённым». **Модель СПП снимает эту апорию, отказываясь от самой дихотомии «сущность/случайность».** Вместо неё мы вводим понятие **Ψ -потенциала** - количественной меры, интегрирующей текущие, изменчивые состояния ключевых подсистем. Различие между 1917-м и 1941-м - это не изменение мифической «сущности», а **кардинально разные конфигурации значений A (адаптивность), S (компетенции), U (установки) и других параметров.** Война XXI века - это борьба именно за эти конфигурации, а не за символическое обладание «духом» [13].

В противовес этому, математические и стратегические модели XX века совершили обратную, но столь же фатальную редукцию. Они отказались от «духа» как ненаучной категории, сводя социальную реальность к **наблюдаемым, измеримым параметрам:** численности населения, объемам ВВП, количеству дивизий. Человек в этих моделях

становился **ресурсом** (демографическим, экономическим), а коллективная воля - производной от материальных факторов [9].

Этот подход давал иллюзию точности, но был **слеп к решающему**. Он не мог объяснить, почему технически превосходящая армия терпит поражение (как во Вьетнаме и Афганистане - США), почему экономически слабая страна проявляет запредельную устойчивость, а богатая - рассыпается при первом ударе. Он выбрасывал за борт именно то, что составляет **сердцевину политического**: способность к коллективному действию на основе разделяемых смыслов.

Позитивистская реакция на субстанционализм, сводившая прогноз войны к калькуляции материальных факторов (численности войск (**М**), объёма ВВП (**Е**), столкнулась с вопиющими историческими парадоксами. Она не могла объяснить, почему армии, обладающие подавляющим технологическим превосходством, терпели стратегическое поражение (как, например, во Вьетнаме), или почему экономически слабые государства демонстрировали запредельную устойчивость.

Эти парадоксы - не просто теоретические казусы. Для автора данной работы, являвшегося непосредственным участником событий в Афганистане в 1986-87 гг., они имеют характер **эмпирически пережитого методологического урока**. Стало очевидно, что формальные модели, учитывающие лишь «жёсткие» параметры, **принципиально неполны**. Они игнорируют то, что на поле боя оказывалось решающим: способность противника к нестандартной адаптации (**А**), его укоренённость в иной системе смыслов и мотивации (**U**), специфические компетенции (**S**), - всё то, что не улавливается статистикой дивизий и тоннажа.

Таким образом, **критика редукционизма здесь - не умозрительная, а вытекающая из опыта системной ошибки**. Этот опыт напрямую указывает на необходимость нового типа модели, которая могла бы формализовать разрыв между материальной мощью и реальной способностью добиваться целей. Задача состоит не в том, чтобы отвергнуть математический аппарат, а в том, чтобы **расширить онтологию учитываемых факторов**, включив в неё те самые «нематериальные», но решающие переменные, которые определяют **Ψ-потенциал** - интегральную способность системы к достижению целей в конфликте.

Мы предлагаем преодолеть эту дихотомию через радикальный онтологический сдвиг. Вместо того чтобы спрашивать о **вечной сущности**, мы предлагаем исследовать **спектр возможных состояний** сложной социальной системы под названием «государство-нация».

Наша центральная онтологическая категория - не «дух», а «потенциал» (dynamis). Это понятие, восходящее к Аристотелю¹, означает **не реализованную способность, возможность стать иным**. Социально-психологический потенциал (СПП) государства - это не его характер, а его **латентные возможности** к мобилизации, кооперации, жертвенности и смыслопорождению в условиях кризиса, военного конфликта.

Это отказ от детерминизма: Мы не утверждаем, что «русские всегда сплочены» (сущность). Мы говорим: «Российское социополитическое пространство в момент времени «t» обладает определенным распределением вероятностей для актуализации паттернов высокой солидарности при воздействии стрессора X».

Это признание сложности: Потенциал неоднороден. Он различен для разных социальных групп (параметр **S** - сплоченность может быть высок в одной страте и низок в другой), зависит от контекста и истории.

Математическая модель выступает как инструмент новой онтологии. Здесь происходит ключевой синтез. Вероятностная модель СПП - это не попытка «посчитать дух». Это **формальное воплощение онтологии потенциала**:

• **Параметры модели (A, S, U, E, M, G) - это не «части духа», а наблюдаемые индикаторы, через которые проявляется текущая конфигурация потенциала.**

¹ Э.Холл «Счастье по Аристотелю: Как античная философия может изменить вашу жизнь». Глава 2. «Потенциал», «Альпина нон-фикшн». 2023.

• Значение $\Psi(t) = 0.85$ - это не «сила духа». Это интегральная мера того, насколько текущее состояние системы близко к зоне высоковероятностной актуализации устойчивости и солидарности. Это мера готовности, а не сущности.

• Динамика $\Psi(t)$ - это карта трансформаций потенциала под влиянием внутренних решений и внешних воздействий. Падение Ψ не означает, что «народ стал хуже». Оно означает, что действия элит, состояние экономики или информационная среда сместили систему в область состояний, где вероятны апатия, раскол и недоверие.

Таким образом, вероятностная модель СПП не является калькулятором «духа» - она представляет собой рабочий инструмент новой онтологии, где бытие коллективного субъекта есть процесс изменения его конфигурационного потенциала. Каждый параметр модели - A, S, U, E, M, G - выполняет строгую функцию: это не метафорическая «часть души нации», а эмпирически отслеживаемый индикатор, фиксирующий состояние одной из ключевых подсистем в момент «t». Их совокупность и задаёт ту самую «конфигурацию возможностей», которая заменяет собой неизменную сущность.

• Результатом измерения этой конфигурации является значение $\Psi(t)$. Цифра $\Psi(t) = 0.85$ - это не оценка «нравственного здоровья» или «силы духа». Это количественный показатель дистанции, отделяющей текущее системное состояние от порога нестабильности (или, напротив, от зоны максимальной устойчивости). Она отвечает на прагматичный вопрос: насколько данное общество, в данных условиях, с его текущими ресурсами и расколами, готово к коллективному действию перед лицом кризиса?

• Следовательно, динамика $\Psi(t)$ в ходе реального конфликта (как, например, в СВО) становится важнейшим объектом философско-политического анализа. Падение кривой $\Psi(t)$ в определённый период - это не моральный приговор «народу», а точный диагноз системного сбоя: он указывает, что решения элит, состояние экономики (E) или информационная среда (U) сместили социальный организм в область состояний, где преобладают траектории распада, апатии и недоверия. И наоборот, рост $\Psi(t)$ при внешнем давлении $|G(t)|$ свидетельствует об успешной актуализации потенциала - мобилизации навыков (S), консолидации вокруг смыслов (U) и адаптации (A).

• Именно здесь завершается онтологический сдвиг. Мы больше не гадаем о «сущности» и не подсчитываем только танки. Мы читаем и интерпретируем карту изменений потенциала $\Psi(t)$, которая показывает, как и под каким воздействием социальная система движется в пространстве своих возможных состояний - к консолидации или распаду, к победе или поражению. Эта карта и становится основой для гносеологического прорыва, позволяя превратить философские вопросы о войне в предмет строгого, верифицируемого исследования.

Философские следствия данной модели: война выступает как актуализатор потенциала. В рамках этой новой онтологии война (или гибридный конфликт) предстает в совершенно ином свете:

1. Война - не столкновение сущностей («западного духа» с «русским духом»), а взаимная попытка силового смещения потенциала противника. Цель - не уничтожить «сущность», а сдвинуть систему в зону низких вероятностей для желаемых ею состояний (сплоченности, легитимности), то есть демобилизовать ее социально и психологически.

2. Война - мощнейший стресс-тест, выявляющий реальную, а не декларируемую, конфигурацию потенциала. Мирные нарративы о «единстве» рассыпаются, когда параметр U (установки) одной группы населения радикально расходится с параметром S (сплоченности) другой. Война обнажает фактическую топологию социальных связей и смыслов.

3. Война - процесс, в ходе которого сам потенциал может трансформироваться. Высокая внешняя угроза может временно повысить S. Несправедливая мобилизация - резко снизить A (активность) и U (доверие к установкам).

Таким образом, война не просто расходует некий изначальный «запас» духа, а динамически переконфигурирует саму систему его генерации.

Вывод раздела:

Совершаемый нами онтологический сдвиг - от поиска неизменной сущности к анализу динамического потенциала - **меняет саму постановку всех последующих вопросов**. Мы перестаем спрашивать: «Кто мы есть?» (вопрос идентичности, ведущий к идеологическим спорам). Мы начинаем спрашивать: «**К какому спектру возможных "мы" мы можем прийти в зависимости от наших действий и внешних вызовов?**» (вопрос ответственности и управления).

Это превращает философию войны из герменевтики прошлого в проективную дисциплину будущего, а математическую модель - из инструмента подсчета в **инструмент онтологической диагностики и навигации**. Именно на этом фундаменте строится всё последующее исследование.

Совершенный онтологический сдвиг - от сущности к потенциалу - меняет не только теорию, но и **практику мышления**. Он заменяет бесплодный и вечный вопрос идеологии «Кто мы есть?» на продуктивный и ответственный вопрос управления: «**К какому спектру возможных состояний "мы" ведёт текущая конфигурация нашего Ψ -потенциала, и как нашими действиями сместить её в желаемую область?**».

Это превращает философию войны из дисциплины, интерпретирующей прошлое, в дисциплину, диагностирующую настоящее и проектирующую будущее. А математическая модель $\Psi(t)$ перестаёт быть вспомогательным инструментом подсчёта, становясь **основным инструментом онтологической навигации** в пространстве исторических возможностей.

Гносеологическая функция модели: операционализация «войны смыслов»

От интерпретации к операционализации: Как модель задает новые вопросы

Классическая философская герменевтика войны занята **интерпретацией уже случившегося**. Она задается вопросами: «Что это означало?», «Какой дух здесь проявился?», «В чем был моральный смысл?». Это анализ *post factum*.

Наша модель, напротив, смещает фокус в область **операционализации текущего процесса**. Она позволяет ставить вопросы нового типа, которые являются одновременно философскими по глубине и эмпирическими по форме:

- **Не:** «Силен ли дух народа?»

- **А:** Насколько снижение индикаторов экономического благополучия (ΔE) компенсируется ростом ценностной сплоченности (ΔU) перед лицом внешней угрозы, и как эта динамика влияет на общую траекторию $\Psi(t)$? (Это вопрос о приоритете материального или идеального в кризисе, воплощенный в данных).

- **Не:** «Ведет ли пропаганда к единству?»

- **А:** Какова временная задержка и коэффициент эластичности между медийными кампаниями (вход) и динамикой параметра $U(t)$ - установок - в различных демографических группах (выход)? (Это вопрос о механизмах формирования коллективного сознания).

Таким образом, модель выступает как **гносеологический дисциплинарный механизм**. Она не позволяет философу оставаться на уровне общих мест, принуждая его искать конкретные, измеримые связи между смыслами и действиями.

Модель как «философский микроскоп»: Пример анализа

Рассмотрим вечный спор между **страхом** и **надеждой** как моторами политической мобилизации (от Гоббса до Блоха).

- **Чисто философский спор** вращается вокруг интерпретаций текстов и исторических примеров, часто оставаясь неразрешимым.

- **Модельный анализ** позволяет развернуть эту дилемму в операциональной плоскости:

1. **Страх** (перед поражением, оккупацией, геноцидом) формализуется как **внешний отрицательный импульс, повышающий значимость (вес α) параметра S (сплоченность через противостояние)** и, возможно, **M (военный потенциал)**.

2. **Надежда** (на победу, лучшее будущее, историческую справедливость) формализуется как **внутренний положительный импульс, повышающий значимость параметров U (смыслы) и A (адаптационная способность)**.

Что мы видим через «микроскоп» модели? Мы можем проанализировать данные СВО:

- Если в критические моменты рост $\Psi(t)$ обеспечивался в основном за счет **S** и **M** при стагнации **U** - это говорит о доминировании **мобилизации через страх**.

- Если же рост $\Psi(t)$ коррелировал с ростом **U** и **A** - это свидетельствует о работе **мобилизации через надежду и смысл**.

Модель не говорит, что «правильно», а что **фактически происходит**. Она превращает метафизический спор в предмет эмпирической верификации, выявляя **доминирующий социально-психологический механизм** в конкретный исторический период.

Вскрытие неочевидных связей: Синергия и антагонизмы параметров

Самая мощная гносеологическая функция модели - выявление **нелинейных и неочевидных связей** между сферами, которые в обыденном и философском сознании воспринимаются раздельно.

Пример: Связь экономики (E) и ценностей (U).

- **Наивный детерминизм:** «Рост экономики (E) автоматически ведет к росту лояльности (U)».

- **Модель позволяет проверить гипотезу:** В условиях СВО мы могли наблюдать **обратный или сложный эффект**. Санкции (падение E) в первые этапы могли привести к **росту U** за счет консолидации («осажденная крепость»). Однако после определенного порога длительного падения уровня жизни, могла включиться **негативная обратная связь**, приводящая к эрозии U. Модель позволяет найти этот **точку бифуркации**, где экономический стресс перестает спланировать и начинает разъедать смысловое ядро.

Таким образом, модель становится инструментом для **построения философски нагруженных теорий среднего уровня**: не всеобщих законов духа, а конкретных гипотез о взаимодействии материального и идеального, индивидуального и коллективного, принуждения и убеждения - в условиях предельного стресса.

От спекуляции к верифицируемому нарративу

В итоге, модель СПП выполняет функцию **строгого редактора** для философского и политического мышления.

- Она заменяет **идеологический нарратив** («народ един как никогда») на **аналитический нарратив**, основанный на данных: «При общем высоком уровне $\Psi(t)$ мы наблюдаем рост сплоченности S в группе X, но стагнацию установок U в группе Y, что указывает на потенциальную уязвимость в долгосрочной перспективе».

- Она превращает философию из **органа окончательных суждений** в **орган постановки проверяемых вопросов** и интерпретации результатов, полученных на стыке дисциплин.

К теории войн шестого поколения: От битвы сил к битве за конфигурацию социально-психологического потенциала.

Предложенная нами методология - через синтез философского вопрошания и математического моделирования - позволяет сделать следующий шаг. Мы не просто анализируем конкретный конфликт (СВО), а **выводим инвариантные закономерности**, претендующие на статус теоретических.

Вывод раздела:

Гносеологический прорыв, осуществляемый моделью, заключается в том, что она **не упрощает реальность, а делает её сложность наблюдаемой и анализируемой**. Она предоставляет философии не готовые ответы, а **новый, более совершенный инструмент**

для вопрошания. Это переход от философии войны как ретроспективной герменевтики к философии войны как проективной аналитики сложных систем, где каждое смысловое утверждение может (и должно) быть сопоставлено с конфигурацией динамических параметров, описывающих живую, пульсирующую социальную материю в момент её величайшего испытания – испытания войной.

От измерения к ответственности: этические императивы работы с Ψ -потенциалом.

Гносеологический прорыв, предоставляемый моделью $\Psi(t)$, наделяет нас новым, беспрецедентным могуществом - способностью количественно диагностировать «душевное состояние» социума в реальном времени. Однако любое могущество порождает вопрос об ответственности. Не превращаем ли мы священное и трагическое пространство войны в поле для холодных калькуляций? Данный раздел посвящён этическим императивам, налагаемым самой возможностью такого измерения.

Защитная функция модели: от искушения простоты к принятию сложности

Первый этический вызов, возникающий из возможности измерять социально-психологический потенциал, - это соблазн **ложного упрощения**. Возникает риск увидеть в интегральном показателе $\Psi(t)$ простой и окончательный «диагноз» общества, сведя его сложность к одному числу. Казалось бы, сама форма модели $\Psi(t) = \sum \alpha_i X_i(t) + \varepsilon(t)$ поощряет такое упрощение. Однако при верном понимании её гносеологической роли, модель совершает обратное: она становится **мощным инструментом защиты онтологической сложности социального мира от редукционистских искажений**.

Ключевой этический принцип здесь заключается в следующем: числовые значения $\Psi(t)$ и его параметров (A, S, U, E, M) важны не сами по себе, а как **указатели на внутреннее разнообразие, скрытые напряжения и конкретные конфигурации общественного организма**. Модель не провозглашает: « $\Psi=0.8$, следовательно, народ един». Напротив, она позволяет поставить вопрос: **«Благодаря какому сочетанию и какому распределению конкретных факторов достигнут этот общий показатель?»**.

Таким образом, модель выполняет критически важную **этико-познавательную функцию «демистификации» тотализирующих идеологических клише**. Когда звучит лозунг о «всенародном единстве», данные модели позволяют проверить его, выявляя, например:

- Глубокий разрыв между высокой патриотической мобилизацией (S) в одной социальной группе и острым кризисом доверия к институтам (U) в другой;
- Компенсацию падающих экономических индикаторов (E) ростом ценностной сплочённости (U), что указывает не на «силу духа», а на **скрытую социальную уязвимость и накопленную напряжённость**.

Следовательно, этический императив начинается с отказа видеть в модели **«окончательный приговор»**. Она - не ответ, а **усложнённый вопрос**, обращённый к власти и обществу. Её высшая этическая ценность - в способности **оберегать живую, противоречивую, развивающуюся ткань социума от подмены удобным, но ложным идеологическим ярлыком**. Она напоминает, что подлинный объект ответственности - не абстрактный «потенциал», а **конкретные люди и сообщества с их разными, а иногда и конфликтующими, компетенциями, установками и возможностями**, совокупное состояние которых модель лишь помогает трезво оценить.

Императив публичности: знание о потенциале как условие смыслового суверенитета

Если модель $\Psi(t)$ является инструментом диагностики состояния общественного организма, то возникает фундаментальный вопрос о **праве на диагноз**. Соккрытие или монополизация данных о динамике ключевых параметров (A, S, U, E) этически несостоятельна, ибо превращает знание о коллективном бытии в инструмент манипуляции. В контексте «войны смыслов» такая монополизация становится **формой внутреннего**

смыслового разоружения общества, лишая его возможности осознанной, основанной на данных, а не только на лозунгах, мобилизации.

Этический принцип прозрачности исходит из онтологии потенциала и логики смысловой борьбы: Ψ -потенциал - это не секретный ресурс элиты, а атрибут всей системы, чья прочность зависит от разделяемого понимания её состояния. Следовательно, информация о его конфигурации - это не технические отчёты, а сырьё для выработки общего смысла, условие для подлинно солидарного действия.

Практическим следствием является требование публичной верифицируемости как основы доверия. Это означает необходимость разработки:

1. **Открытых методологий** расчёта индикаторов (при сохранении тактической чувствительности).

2. **Публичных форматов**, где динамика $\Psi(t)$ представлена как честная карта успехов, уязвимостей и внутренних диспропорций.

3. **Институтов общественной интерпретации**, превращающих данные в предмет публичной дискуссии, а не в инструмент административного отчёта.

Таким образом, прозрачность - это **этическое условие победы в «войне смыслов»**. Она превращает $\Psi(t)$ из потенциального орудия «смыслового инжиниринга» сверху в инструмент обретения обществом **смыслового суверенитета - способности коллективно видеть, понимать и отвечать на вызовы**. Только так знание о потенциале ведёт не к манипуляции, а к **солидарной ответственности**, где единство основано не на неведении, а на общем понимании реального положения дел.

Ответственность элит: управление конфигурацией как измеримый долг

Традиционный взгляд на войну часто возлагает моральную ответственность за её исход на абстрактный «дух народа» или «волю нации». Онтология потенциала и модель $\Psi(t)$ совершают радикальный переворот: они **переносят фокус ответственности с массы на управляющие подсистемы (элиты)**, делая её не моральной абстракцией, а технически отслеживаемой величиной.

Этический принцип здесь - принцип соответствия: поскольку ключевые решения, влияющие на конфигурацию A, S, U, E, M , принимаются на управленческом уровне, то и динамика $\Psi(t)$ становится прямым индикатором качества этих решений. Падение интегрального потенциала в период кризиса - это не свидетельство «слабости народа», а, в первую очередь, **сигнал о просчётах, неэффективности или несправедливости в действиях элит**.

Таким образом, модель вводит **новую форму социальной обратной связи**. Если, например, в условиях мобилизации наблюдается резкий спад параметра A (адаптационной активности граждан) и U (доверия к установкам), это указывает не на «непатриотичность» населения, а на возможные **ошибки в организации процесса, нарушения справедливости, информационную непрозрачность** - то есть, на прямые области ответственности управляющих структур.

Следовательно, этический императив для элит трансформируется. Он состоит не в риторическом «подъёме духа», а в **системной работе по укреплению всей конфигурации Ψ -потенциала:**

- Поддержка A через создание гибких институтов, способных к быстрому обучению и адаптации.

- Укрепление S через справедливые законы и реальные, а не декларативные, механизмы кооперации.

- Воспроизводство U через честный диалог, а не монологическую пропаганду, и через соответствие декларируемых целей реальной политике.

В этом смысле $\Psi(t)$ становится своеобразным **«приборной доской» государства в экстремальном режиме**. Элиты несут ответственность не просто за «победу любой ценой», а за **сохранение и приумножение жизнеспособности социального организма**, за управление его траекторией в пространстве возможных состояний. Война превращается

в экзамен на качество управления, где цена ошибки измеряется не только в территориальных потерях, но и в долгосрочном падении способности нации к солидарному историческому действию.

Примечательно, что этот управленческий императив нашёл своё опережающее нормативное закрепление. Ключевые документы, принятые ещё в 2020 году (Указ Президента РФ и Приказ Министра обороны РФ об организации военно-политической работы), заранее институционализировали «работу со смыслами» (параметр U) и сплочением (параметр S) как самостоятельную, стратегическую задачу государственного управления. Это означает, что логика, вытекающая из нашей модели - а именно, что устойчивость государства в современном конфликте определяется конфигурацией его социально-психологического потенциала (A, S, U) в не меньшей мере, чем военно-экономической мощью (M, E) - была интуитивно или сознательно воспринята и закреплена в доктрине до её полномасштабной практической проверки в ходе СВО.

Таким образом, этический долг элит по управлению Ψ -потенциалом не только теоретичен, но и получил **формальные контуры**. Однако именно это обстоятельство обнажает главную этическую развилку: станет ли эта «работа» механизмом **честного диалога и укрепления доверия (U) через справедливость и прозрачность**, или же выродится в инструмент монологической пропаганды, симулирующей единство? Ответ на этот вопрос определит, будет ли Ψ -потенциал источником подлинной устойчивости или фактором скрытой хрупкости.

Пределы и опасности: против соблазна социальной инженерии

Могущество, предоставляемое моделью $\Psi(t)$ - способность диагностировать и влиять на глубинные параметры коллективного действия, - порождает и высший этический соблазн: попытку перейти от **понимания и поддержки** социальной системы к её **манипулятивному конструированию**. Этот соблазн можно назвать **искушением социального инжиниринга**: когда управление конфигурацией потенциала подменяется созданием её симулякра.

Этическая ловушка заключается в разрыве между формальными индикаторами и реальным содержанием. Технически можно попытаться «поднять» показатель U (установки) через массированную пропаганду, игнорируя при этом падение E (экономического благосостояния) или A (реальных возможностей для адаптации). Аналогично, можно искусственно стимулировать S (сплочённость) через нагнетание образа внешней угрозы, не решая внутренних проблем справедливости. В краткосрочной перспективе это может дать рост $\Psi(t)$. Однако модель, будучи честной, предупреждает о последствиях: такая «**оптимизация по показателям**» создаёт **системную хрупкость**.

Причина в нарушении синергии. Подлинная устойчивость Ψ -потенциала рождается не из изолированного «накачивания» одного параметра, а из **взаимоусиления всех его компонентов**: экономическая эффективность (E) подкрепляет легитимность (U); реальные компетенции (S) повышают адаптивность (A); а доверие, основанное на честности, позволяет перераспределять ресурсы (M) с максимальной эффективностью. Попытка же симулировать один параметр в ущерб другим ведёт к накоплению **латентных противоречий**, которые в момент истинного стресса (когда симуляция перестаёт работать) приведут к лавинообразному обвалу всей системы.

Таким образом, главный этический императив, вытекающий из работы с Ψ -потенциалом - это императив целостности.

Модель должна использоваться не как инструкция для точечных манипуляций, а как **компас, указывающий на необходимость сбалансированного, синхронного развития всех ключевых способностей нации**. Её конечная цель - не создать видимость единства и мощи, а **вырастить подлинную, антихрупкую способность общества к коллективному историческому действию**. Любое иное применение превращает

инструмент познания в орудие самообмана, чья цена в эпоху экзистенциальных вызовов оказывается фатальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ПОЗНАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА - К ПРОЕКТИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВОСТИ

Проведённый анализ позволяет утверждать, что Специальная военная операция стала не просто ещё одним конфликтом, а феноменологическим прорывом, обнажившим неадекватность классических философских и стратегических моделей войны. Кризис этих моделей имеет системный характер: субстанционализм бессилён перед изменчивостью «духа», а позитивистский редукционизм слеп к его силе.

В качестве конструктивного ответа в работе предложена трёхуровневая парадигма, ядром которой является концепция Ψ -потенциала - динамической конфигурации ключевых способностей социума (A, S, U, E, M) к действию в условиях экзистенциального вызова.

Онтологический сдвиг (от сущности к потенциалу) позволил переопределить сам объект исследования, а гносеологическая операционализация «войны смыслов» в модели $\Psi(t)$ предоставила инструмент для его диагностики. Выявленные этические императивы (защита сложности, публичность, ответственность элит) устанавливают границы и цели работы с этим инструментом.

Однако диагностика - не самоцель. Познание Ψ -потенциала необходимо постольку, поскольку оно открывает возможность сознательного воздействия на конфигурацию системы для повышения её жизнеспособности. Специальная военная операция, рассмотренная как прообраз «войны смыслов», наглядно демонстрирует, что устойчивость государства определяется не столько его материальной мощью, сколько способностью поддерживать сбалансированное и антихрупкое состояние своего антропологического потенциала.

Таким образом, предложенный подход выходит за рамки чистой теории. Он формирует новую исследовательско-проектную программу, в которой философская рефлексия, математическое моделирование и этическая регуляция объединяются для решения практической сверхзадачи - не просто понимать войны современности, но и сознательно укреплять устойчивость социума перед лицом антропоцентричных угроз.

Эта концепция возвращает нас к старой, как мир, истине, сформулированной ещё В.И. Лениным: «Во всякой войне победа в конечном счёте обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести. Осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу» [7].

Наша работа даёт этой истине новое, технологичное измерение. «Состояние духа» перестаёт быть метафорической константой - оно становится наблюдаемой, измеряемой и управляемой переменной в уравнении исторической возможности. Задача философии, политики и стратегии в антропоценную эру состоит в том, чтобы осознать эту переменную и взять на себя проектную ответственность за её воспроизводство - не через манипуляцию, а через выращивание подлинной, целостной и смысловой жизнеспособности национального организма.

Это возвращает нас к фундаментальному императиву, сформулированному Карлом Марксом: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [8]. В работе предлагается конкретный путь к такому изменению: от объяснения войны через «дух» и «ресурсы» - к её пониманию через динамику потенциала, и от этого понимания - к ответственному проектированию той единственной реальности, которая гарантирует победу - реальности внутренней сплочённости, смысловой ясности и непрерывной адаптивности нации.

Список источников

1. Алескеров Ф.Т. Некоторые математические модели и методы в политических науках : монография / Ф. Т. Алескеров, В. И. Вольский. - Москва : Издательство Юрайт, 2024.
2. Клаузевиц К. О войне. - Часть I. - Глава I. - Раздел 24 // О войне - Clausewitz K. Vom Krieg. 1832/34. - М.: Госвоениздат, 1934.
3. Ковалев А.А. Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения Вестник Вятского государственного университета, 2024, № 2 (152), С.7-15.
4. Костров Е.К. Вероятностно-детерминированная модель социально-психологического потенциала государства: теоретические основания и эмпирическая верификация. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. №4, 2025., С.109-113.
5. Костров Е.К. Социально-психологический потенциал России и Украины в условиях гибридного конфликта: вероятностная модель и прогноз на 2026 год // Экономика и безопасность. - 2026, №1. - URL: <https://voenvestnik.ru/PDF/35ES126.pdf> DOI: 10.15862/35ES126
6. Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). - СПб.: Наука, 2014. С.14. Сер. «Слово о сущем».
7. Ленин, В. И. Речь на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920г. Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1974. - Т. 41. Май - ноябрь 1920. - С. 120-121.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. -Т.3. - С. 1-4. Багатурия Г. А. «Тезисы о Фейербахе» // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - С. 671-672.
9. Махов, С. А. Математическое моделирование мировой динамики и устойчивого развития на примере модели Форрестера. - М. : ИПМ им. М.В.Келдыша РАН, 2005.
9. Соколов А. Коллективные действия: подходы к пониманию и особенности организации (библиографический обзор зарубежной литературы). Znanie. Ponimanie. Umenie. 10.17805/zpu.2018.2.11.; <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/715>
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Биbihина. - М.: Ad Marginem, 199710
12. Холл Э. «Счастье по Аристотелю: Как античная философия может изменить вашу жизнь». Глава 2. «Потенциал», «Альпина нон-фикшн». 2023.
13. Доклад на XII заседании Валдайского клуба «Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа». 2015. <https://globalaffairs.ru/articles/vojna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-balans-novogo-tipa/?ysclid=mjsc53m2e3491886175>
14. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. - М.: Прогресс, 1986.- С. 126.